Е.Г.Дмитриева
Волгоградский государственный университет

Функции лексики эмоций в «Житии и подвигах святителя Илариона, митрополита Суздальского»

житие, лексика эмоций, характерологическая функция, текстообразующая функция

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-34-01009 (а2) «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков»

1. Изучение агиографических текстов имеет в отечественной науке богатую исследовательскую традицию: жития выступают предметом богословских, философских, исторических, текстологических, литературоведческих и лингвистических изысканий. При этом какие бы стороны житийных текстов ни рассматривали ученые, ими единодушно признается ориентация агиографии на канон: «Агиография же, с ее установкой на художественный канон, является, как известно, одним из самых формализованных литературных жанров» [Руди 2005: 59]. Ученые считают, что именно канон оказывался определяющим для восприятия жития, а значит и для реализации его цели – установления определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого «православного» мирочувствования. Устойчивости этой атмосферы и способствовала устойчивость, неизменность житийного канона [Берман 1982: 162].

В центре жития лежит представление об идеальном христианине, именно оно организует структуру произведения. Каждый из типов святости в конкретном житийном тексте реализуется набором повторяющихся мотивов, сюжетно-композиционных элементов, устойчивых формул и т.п. – того, что можно обозначить термином «топика» в широком смысле: «…топосом может быть любой повторяющийся элемент текста, закрепленный за определенным местом сюжетной схемы, – будь то устойчивая литературная формула, цитата, образ, мотив, сюжет или идея» [Руди 2006, 57: 432].

2. В качестве источника для отбора фактического материала выступило «Житие святителя Илариона, митрополита Суздальского», опубликованное в 1914 году.

В истории русской агиографии период с XVIII по начало XX века именуется синодальным, и хотя в это время наблюдались как периоды активного развития житийной литературы, так и периоды его замедления, тем не менее агиографические тексты продолжали создаваться, кроме того, появился такой жанр, как церковное жизнеописание, «которое, сохраняя традиционные агиографические задачи, имеет одновременно исследовательский характер» [Владимир (Швец) 2015: 98]. Как отмечают лингвисты, язык житийных текстов этого периода мало изучен [Уварова 2012: 75].

Исследуя историю древнерусской святости, Г.П.Федотов обращает внимание на то, что «в течение двух столетий, до царствования Николая II, канонизировали всего четырех святых, и эти четыре все епископы…» [Федотов 2000: 194].

Святитель – разряд святых из епископского чина, почитаемых церковью как предстоятели отдельных церковных общин, которые святой жизнью и праведным пастырством осуществили промысел Божий о церкви в ее движении к Царству Небесному [Живов 1994: 99].

Основным источником сведений о святителе Иларионе является его Житие, известное в нескольких редакциях. По всей видимости, 1-я, краткая, редакция была создана во Флорищевой в честь Успения Пресвятой Богородицы пустыни между 1686 и 1690 гг. диаконом Григорием. Как следует из Жития, оно было дополнено келейником Илариона – иеромонахом Мефодием. Житие было опубликовано В.Т.Георгиевским [Шамин 2009, 22: 128-133].

3. В центре нашего внимания оказались функции лексики эмоций, используемой

в «Житии святителя Илариона, митрополита Суздальского».

В рамках статьи рассматриваются лексемы с корнем ***-люб-***: прилагательное *любимый* – ‘пользующийся большею перед другими любовью; предпочитаемый другому’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 274], существительные *любимецъ* – ‘пользующийся чьим-либо особенным благорасположением’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 274], *любитель* – ‘имеющий к чему-либо особенную привязанность’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 274], *любовь* – ‘сердечная к кому-либо привязанность’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 274]), глагол *полюбить* – сов. к *любить* – ‘иметь к кому-либо любовь, сердечную привязанность’, ‘иметь к чему-либо особую склонность’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 274].

Как показал проведенный анализ, перечисленные языковые единицы употребляются в ключевых фрагментах житийного текста, связанны с использованием топосов и реализуют в житии характерологическую функцию, под которой в нашей работе понимается употребление языковых единиц в речи (тексте) с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности [Дмитриева 2011, 2: 46].

Так, повествуя о детских годах святителя Илариона (в крещении – Иоанна), автор жития отмечает, что пребывание в монастыре помогло очень рано сделать выбор жизненного пути будущему подвижнику: *Такимъ образомъ едва не съ младенчества Богу угодно было поставить Іоанна свидѣтелемъ суровыхъ иноческихъ подвиговъ – и здѣсь, въ безмолвіи монастыря, въ постѣ, молитвѣ, послушаніи, хожденіи въ церковь, протекло дѣтство будущаго подвижника Иларіона, и монашескіе подвиги сдѣлались навсегда* ***любимымъ*** *занятіемъ отрока Іоанна* [ЖСИ 1914: 4]. *Еще въ с. Кириковѣ онъ былъ наученъ отцемъ своимъ грамотѣ и здѣсьвъ монастырѣ* ***съ любовію*** *предавался чтенію св. писанія и душеполезныхъ книгъ* [ЖСИ 1914: 4].

Таким образом, лексика эмоций в Житии выявляет существенные для понимания концепции автора смыслы, является важным средством создания образа святого.

Однако в анализируемом тексте лексика эмоций реализует еще одну функцию – текстообразующую, понимаемую нами как способность языковых единиц быть связующим элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста [Дмитриева 2011, 2: 46].

Чувство любви в тексте всегда связано с Иларионом и дается в развитии: от любви отца (*он* [отец его] *постригся съ именемъ Антонія въ Спасо-Преображенскомъ, что на Юнгѣ, монастырѣ и, не желая разлучаться съ младшимъ и* ***любимымъ*** *сыномъ своимъ Іоанномъ, которому было только 8 лѣтъ, поселился въ монастырѣ вмѣстѣ съ нимъ* [ЖСИ 1914: 4]), через любовь семьи (*Умный, кроткій и услужливый юноша Іоаннъ скоро сдѣлался* ***любимцемъ*** *всей семьи въ с. Кириковѣ…* [ЖСИ 1914: 5]), любовь наставников (*Пустынножители съ радостію приняли Іоанна, а праведный подвижникъ, старецъ Меѳодій, скоро* ***полюбилъ*** *пришельца за его начитанность въ Св. писаніи и предрекъ, что Іоаннъ со временемъ устроитъ здѣсь обитель, которая будетъ впослѣдствіи знаменитой* [ЖСИ 1914: 6–7]), любовь сподвижников (*Спустя нѣкоторое время, стали стекаться къ блаженному Иларіону и другіе* ***любители*** *безмолвія и иноческихъ подвиговъ …* [ЖСИ 1914: 11]), любовь царя (*Бесѣда его, шедшая отъ сердца и растворенная благодатію, такъ восхитила царя, что онъ навсегда* ***полюбилъ*** *подвижника благочестія …* [ЖСИ 1914: 21]) к всеобщему почитанию и поклонению (*Словомъ, онъ былъ такимъ пастыремъ добрымъ и милостивымъ, что всѣ въ епархіи* ***полюбили*** *его, какъ истиннаго отца* [ЖСИ 1914: 25]), которые в свою очередь не могут отвлечь святого от его подвижнического труда (*Святитель Иларіонъ не забылъ своей* ***любимой*** *пустыни, имъ самимъ воздвигнутой и попрежнему наблюдалъ за всѣми порядками въ ней* [ЖСИ 1914: 25–26]).

Лексемы с семантикой любви оказываются связанными в тексте антонимическими отношениями с языковыми единицами, характеризующими отрицательных персонажей: *Одинъ изъ братіи, уличенный Иларіономъ въ утайкѣ незначительной суммы братскихъ денегъ, воспылалъ такою* ***ненавистью*** *къ игумену, что рѣшился убить*

его топоромъ [ЖСИ 1914: 13–14] (*ненависть* – ‘враждебное расположение, зложелательство’; ‘отвращение’ [СЦСиРЯ 1847, 2: 440].

Формируя оппозиции персонажей, оцениваемых положительно и отрицательно, лексика эмоций способствует поддержанию композиционного единства произведения, построенного на конфликте правильного (допустимого) и неправильного (осуждаемого).

Подобные особенности реализации лексемами характерологической и текстообразующей функций были отмечены нами и в текстах других, более ранних, памятников письменности. В Сказании о Борисе и Глебе любовь как чувство, связанное с добром, имеющее божественную христианскую природу, противопоставляется ненависти – чувству, в основе которого лежит злоба и которое связывается с дьяволом. Первое концентрируется прежде всего вокруг святых Бориса и Глеба, носителем второго выступает Святополк. В Повести о Петре и Февронии чувство любви – любви семейной, равной, взаимной, воплощает для автора идеал человеческих взаимоотношений и движет развитие сюжета [Дмитриева 2011, 2].

Таким образом, анализ использования лексики эмоций в «Житии и подвигах святителя Илариона, митрополита Суздальского» позволил выявить особую значимость данных языковых единиц для понимания замысла автора, показать их связь с воплощением житийного канона и установить в качестве основных функций, реализуемых данными языковыми единицами в названном тексте, характерологическую и текстообразующую.

Литература

Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) / Б.И.Берман // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С.159–183.

Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С.Б. Введение в агиографию. Учебное пособие / Владимир (Швец), архимандрит, С.Б.Сорочан. – Харьков: Майдан, 2015. – 264 с.

Георгиевский В.Т. Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского ([ум.] 1707 г.) / В.Т.Георгиевский. – Петроград: М.Д. Усов, 1914 – 28 с. (ЖСИ)

Дмитриева Е.Г. Функции эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии / Е.Г.Дмитриева, Э.Н.Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. – 2011. – №2 (14). – С.45–49.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М.: Гнозис, 1994. – 112 с.

Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т.Р.Руди // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – С.59–101.

Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных / Т.Р.Руди // ТОДРЛ. – Т. 57. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.– С. 431–500.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: В 4 т. – СПб.: В тип. императорской Академии наук, 1847 (СЦСиРЯ).

Уварова И.Ю. Лексическая наполняемость глагольных словоформ в текстах житий синодальной редакции / И.Ю.Уварова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 75–80.

Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – Т. 8: Святые Древней Руси / Г.П.Федотов; сост., примеч. С.С.Бычков. – М.: Мартис, 2000. – 268 с.

Шамин С.М. Иларион / С.М.Шамин // Православная энциклопедия Т. 22. – Москва: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2009. – С.128–133 – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/389121.html.